

ПОЛИВАРИАТИВНОСТЬ ОБРАЗА МАРЫ В КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

*О.И. Пушкина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Современная культура предлагает человеку множество возможностей и вариантов развития, становления и презентации себя в обществе. Вместе с тем сегодня мы можем наблюдать множество проблем, связанных с идентификацией личности: культурные, социальные, гендерные и другие. На любом переломном этапе истории человечества либо отдельно взятого человека происходит обращение к своим корням, поиск истоков тех событий, которые присутствуют в жизни здесь и сейчас. Все чаще в современной культуре мы встречаем примеры обращения к мифологии, поскольку она является одной из наиболее архаичных систем, в которой был аккумулирован опыт предшествующих поколений. При этом довольно часто происходит искажение, как отдельных образов, так и целых мифологических систем. Наиболее часто это можно наблюдать в индустрии кино и мультипликации, а также в различных текстах, претендующих, по сути, на создание новой мифологии с использованием древних образов. В этих случаях мифологические образы показываются односторонне, клишировано, часто дополняются атрибутами других персонажей, иногда происходит смешение и/или замещение мифологических сюжетов. В восточнославянской мифологии одним из наиболее поливариативных образов является образ Мары.

Цель исследования – выявить основные интерпретации образа Мары и выделить их основные причины.

Материал и методы. Материалом исследования являются тексты этнографов XIX–XX веков, размещенных в фондах Национальной библиотеки Республики Беларусь, и современных ученых. В работе использовались общенаучные методы, системный и компаративный методы.

Результаты и их обсуждение. Мару часто называют женским божеством болезни и смерти. Очень часто в текстах этнографов можно наблюдать, что Мара практически отождествляется ими с такими образами как Морена (Мора), Марана, Маркита, Макрина и т.п. Выделим основные трактовки данного образа.

В середине XIX в. данный образ одним из первых описал Д. Шеппинг. Он считал, что славянская Мора (Морена) являлась богиней смерти. Следует учитывать, что ученый обращал внимание на особенности ее восприятия: если в христианстве смерть воспринималась как окончание земного существования, возврата к которому быть не может, то в мифологической картине мира славян смерть трактовалась как продолжение жизни. Таким образом, исследователь одной из отличительных черт данного образа называл амбивалентность. Он считал, что имя Моры, как окончательный момент развития растительной жизни в плоде, является относительно самого растения в значении богини старости и временной смерти его, а относительно человека она является богиней осенних плодов, поэтому переходит от значения богини смерти к значению доброй богини плодородия [8, 27–37]. По его мнению, Морена как богиня осени и зимы, удержала свое первоначальное значение временной смерти природы, что видно из сохранившихся обычаев хоронить изображение Моры при наступлении весны, олицетворяя окончание и зимних холодов, и прошедшего года. Их аллегорическое олицетворение осуществляется в начале марта в обряде похорон Моры (Морены), основными атрибутами которого являются либо соломенная кукла, либо шест, обвешанный женскими платьями, которая топится в реке либо сжигается среди деревни, сопровождая эти обряды хороводами [8, 180].

В отличие от Д. Шеппинга, М.Д. Никифоровский считал, что Морена (от скр. Mгi – умираю) являлась олицетворением злой силы, почти полностью забытой у русских, на что указывают лишь сохранившиеся в некоторых обрядах и песнях следы поклонения ей. Он считал, что родственной ей силой является смерть. Олицетворяется она в образе старухи, с факелом в левой руке и с косой в правой [6, 14–15]. Даже в конце XX в. на русском севере были зафиксированы представления о Маре – полудемоническом существе, которая всю невыпряденную пряжу может за ночь запутать. Ею пугали детей: «Мара с запечка как выйдет и заберет» [4, 67].

У белорусов также существовали и продолжают существовать представления о Маре, однако они несколько отличаются от вышеизложенных. Наиболее близкую трактовку образа Мары как злого духа, сводившего со свету людей, мы обнаруживаем у Л. Гарошко. Однако следует отметить, что он отдельно персонифицировал богиню смерти – Марану [3, 33–34]. В начале XX в.

на Полесье Мара отождествлялась с болезненными явлениями, сопровождаемые лихорадкой, являвшейся к людям в образе соблазнительной, чувственной и сладострастной женщины [7, 234–235]. Следует отметить, что в фольклоре Мара (Морена, Марана) может являться в образе красавицы, как объект страсти героя. В сказках об этом остались сюжеты о королевне Марье Моревне и о богатырше Марине в былинах о Добрыне. Считаем необходимым обратить внимание на данные современного ученого А.М. Ненандавца о том, что на территории Беларуси существовал огромный курган, который являлся остатками языческого капища богини Мары, имя которой упоминается в народных песнях Гродненщины. Возле этого кургана были раскиданы обработанные, с вырезанными фигурками камни, возможно, обрызганные кровью [5, 167–168], что также указывает на то, что данный образ имел весомое значение в сознании наших предков.

О близости имен Мары и Морены (Марины) писал Д. Шеппинг, анализируя образ киевской чародейки Марины, к которой прилетал ее любовник Змей Горыныч. Он считал, что образ Марины - это аллегорическое изображение молнии, Марина, как и Мария, может почитаться за ошибочное произношение Марены (Морены). Он отмечает, что ее красота и молодость, противоречившие традиционному отвратительному виду ведьм, могут указывать на светлую сторону Марены, как богини жизни и осеннего плодородия [8, 193- 194].

О том, что образ Мары мог иметь и положительные коннотации свидетельствуют записи конца XIX в. исследователя А. Балова, который, сравнивая народные представления русских и сербских народов, пришел к выводу, что Мара являлась воплощением сначала солнечной невесты, а затем жены, солнца - «красной девицей зарей-зарницей», упоминавшейся в купальных песнях как Марья (Марена-Мара-Марья), являющуюся покровительницей всех девушек [1, 139].

В современном белорусском языке сохраняется неоднозначность этого слова. «Мара́» может трактоваться как призрак, привидение либо тяжелый сон, кошмар, а «Ма́ра» - как мечта, грёзы. Однако и одержимость мечтой, когда человек постоянно «ма́рыць» - мечтает, а иногда и бредит, «цешыць сябе ма́рамі» – обольщается надеждой, может привести к болезненному состоянию. Тогда он будет «марыць» – томиться, изнуряться и может дойти до болезненного состояния, угрожающего его жизни [2, 671].

Заключение. Поливариативность интерпретации данного образа обуславливается как влиянием христианства, так и тем, что долгое время многие ученые отождествляли образы женских божеств, чьи имена имели сходное звучание. Образ Мары почитался нашими предками, на что указывает наличие капища и песен, сохранившихся до конца XX в. Преимущественно он воспринимается как образ болезни и смерти. При этом в ряде текстов присутствуют и его иные трактовки, такие как образ мечты, как сладострастный женский образ, и даже воплощение солнечной невесты и жены.

1. Балов, А. К вопросу о характере и значении древних «купальских» обрядов и игр / А. Балов // Живая старина. – 1896. – Вып. 1 – Отдел V. - С. 133-142.
2. Беларуска-рускі слоўнік: у 2 т. / АН БССР. Ін-т Мовазнаўства імя Я. Коласа; Рэд. К.К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск.: БелСЭ, 1988. – Т.1. А-О. – 1988. - 813 с.
3. Гарошка, Л. Дахрысціянская вера нашых продкаў / Л. Гарошка // Божым шляхам. – 1956. - № 70-75. - С. 33-34.
4. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор комментариев О.А. Черепанова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.
5. Ненадавец, А.М. Свято таямнічага вогнішча / А.М. Ненадавец. – Мінск: Беларусь, 1993. – 287 с.: іл.
6. Никифоровский, М.Д. Русское язычество / М.Д. Никифоровский. – СПб: [типография духовного журнала «Странник»], 1875. – [2], 125, III с.
7. Сержпутоўскі, А. Прымхі і забабоны беларусаў-паляшukoў / А. Сержпутоўскі; Беларус. акад. навук, аддз. гуманітар. навук – Менск: [Друк. Беларус. акад. навук], 1930. – 284 с.
8. Шеппинг, Д. Мифы славянского язычества. / Д. Шеппинг. – М.: в типографии В. Готье, 1849. – 197 с.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: АКТИВИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО ФАКТОРА

*М.А. Слемнев
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В октябре 2018 года в Могилеве при участии Президентов и Председателей верхних палат парламентов двух стран прошел очередной, пятый по счету Форум регионов Беларуси и России на тему «Приоритетные направления развития регионального сотрудничества как ключевого фактора интеграции и союзного строительства». Следующий, шестой Форум предложе-